

ЕВРЕЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Выпуск 7-ой

И. И. Зингер

Рассказы

С критико-биографическим
очерком

О. РАПОПОРТА

Издательство

„ЕВРЕЙСКАЯ КНИГА“

150, Route des Soeurs, Apt. 2

ШАНХАЙ

1943

I. J. SINGER
SHORT STORIES

Publishers

The "Jewish Book" Publishing Co.

150, Route des Soeurs, Apt. 2

Tel. 75914

Printed by:

"NORTH CHINA PRESS"

638/6 Rue Bourgeat

Tel. 76587

SHANGHAI

СТАРЫЙ ГОРОД

Фабиан Рейцес сбрасывает с головы разноцветное доскутное одеяло, высовывает руку и поднимает жалюзи, впуская зеленоватый утренний свет, разливающийся по его постели.

Канарейки в соседней комнате начинают петь все сразу. Еще раньше, чувствуя снаружи свет, но не видя его, они пробовали петь; одна за другой начинали, но тут же смущенно переставали. Теперь — же, когда ясный день заглядывает в окно и через открытую дверь проникает в соседнюю комнату, канарейки поют, все вместе, как бы совершая утреннюю молитву.

Фабиан вылезает из кровати, надевает широкий халат и всовывает ноги в казские шелковые домашние туфли расшитые серебряными листьями; затем подходит к окну, открывает его, высовывает наружу свою непричесанную голову и громко зевает на всю улицу, купающуюся в зеленоватом раннем свете.

Старая, искривленная Мариенштадтская улица пуста.

С широкой Вислы, к которой конец улицы спускается широкими каменными

ступенями, поднимается сырой туман, оседающий на окна домов и на черепичные крыши. Ранние птички щебечут в воздух порхая в поисках церковных куполов и сломанных водосточных труб. Издалека, с большого железного моста, доносятся фабричные свистки и глухие громкие удары — ржавый лязг металла и труда. Фабиан прислушивается к пронзительным свисткам пока они не перестают разрезать воздух, затем несколько раз хлопает в ладоши и кричит в окно:

«Эй, дедушка, уже утро! Дедушка!»

Возле погнутого старого фонарного столба, на котором еще мерцает бледный свет, что-то шевелится, разворачивается какой-то узел и из него вылезает согнутая вдвое человеческая фигура и копна белых волос. Человек, все еще в тумане сна и ночи, одервенело поднимается на ноги, как бы не соображая, что уже утро. Две распухшие старческие руки трут глаза и улицу оглашает еще один зевок.

«Я — у ..»

Фабиан Рейцес раздражается звонким смехом.

«Я разбудил тебя, дедушка?»

Старик снимает шапку, и его белые волосы разлетаются на ветру. Он ворчит:

«Они выслеживали добычу, негодяи, всю ночь. Я видел их.»

Фабиан смеется еще громче.

Каждое утро, когда он будит старого ночного сторожа, тот привораживается, что во-

все не спал и всегда говорит в свое оправдание те же самые слова. Он, мол, просто притворялся, что спит. Он ждал чтобы воры сделали нападение, он все время был настороже, ожидая случая напасть на них, как волк набрасывается на овцу. Фабиан скептически качает головой:

«Пора уж тебе перестать работать, дедушка. Тебе бы сидеть дома на печке».

Но старик стучит палкой по земле и яростно бормочет:

«Я видел как они прокрадывались, негодяи.»

Фабиан втаскивает себе на колени курчавого пуделя, протирает ему глаза со сна и моет его густую гриву. Он делает это каждое утро.

Пудель тихо ворчит. Он не любит, когда в его гриве ищут блох. Он предпочел бы спокойно полежать на тигровой шкуре это время, где можно всласть вытянуться и покататься, а если этого нельзя, то хорошо бы вызвать на тур борьбы Балтазара, сибирского кота. Но он знает, что хозяин не даст ему есть пока не выкупает его, поэтому он покорно остается лежать на его коленях, закрывает глаза и только изредка слабо ворчит. Но, когда тот выворачивает ему наружу уши, для того чтобы вымыть их изнутри, он больше не в силах сдержаться и испускает пронзительный вопль. Фабиан дергает его за ухо и грозит: «Смирно, а то не дам сахара.»

Пудель сворачивается калачиком и лежит так тихо и покорно, что даже когда ему на

нос усаживается муха, он не высовывает языка, чтобы прогнать ее. Только его живот непокорно дрожит, спиной хребет слегка двигается, и изнутри слышится постоянное бурчанье: «б-р-р.»

Фабиан усердно чистит ему внутри уши, вытирает мокрый, холодный нос и слышит, как хриплый голос зовет его из дальней комнаты:

«Пани Фабиан! Пани Фа — би-ан!»

Фабиан не отвечает.

Это его зовут попугай из дальней комнаты. Они будят его каждое утро и продолжают звать его долгое время после того как он уже встал. Они раздирают горла зовя его, они производят оглушающий шум, но он ничего не отвечает.

Он сердит.

Он приучает к чистоте всех животных в своем доме. Пудель — самый воспитанный в этом отношении — у него есть свой ящичек покрытый песком, и он просится как дитя, когда дверь ведущая к его «месту» закрыта. Балтазара, кота, было не легко приучить, и прошло много времени прежде чем он запомнил, что у него также есть свое «место» и ящик. Пока он выучился, Фабиану приходилось щелкать его по носу и больно тянуть за усы. Но, в конце концов, он все-таки познал эту премудрость. Только одни попугай наотрез отказывались выучиться хорошим манерам. Они никак не могли привыкнуть к маленьким ящичкам, которые Фабиан поставил им в клетки. Они оставались на насестах и бросали сверху помет. Или, что

еще хуже, ждали пока Фабиан начинал с ними играть и пачкали его шляпу как раз тогда, когда он собирался выйти на улицу. Поэтому он сердится на них и будет кормить их после всех. И, когда он уже, наконец, идет к ним, то бранит их:

«Молчите, грязные обезьяны! Ш-ш!»

После пуделя очередь Балтазара. Балтазар оказывает сопротивление. Это большой кот, с густой и блестящей шерстью, и жесткими и длинными усами. Когда он вытягивает свои задние ноги, то становится похож на маленькую обезьянку. Он уже давно живет у Фабиана, но все еще не научился слушаться и ведет себя очень буйно, когда дело доходит до утренней ванны. Когда он видит Фабиана в халате и домашних туфлях, то встает, выгибает спину настоящим полукругом, устремляет свои зеленые глаза в лицо хозяину и выпячивает свои жесткие усы.

Фабиан стоит напротив Балтазара и в упор смотрит в его зеленые глаза. Они стоят смотря в упор друг другу в глаза в ожидании кто дольше выдержит. Оба непреклонны, и усы обоих одинаково ошетилены. После нескольких минут, когда Балтазар не выказывает никаких признаков подчинения, Фабиан старается взять его добротой. Он поднимает колено, сгибает палец и зовет его:

«Балтазар! Балтазар!»

Он теперь уже знает, что это ни к чему не приведет, но чувствует, что нужно попробовать еще один раз. Но когда Бал-

тазар делается еще непреклоннее и быстро выбрасывает вперед лапу, Фабиан делает два шага назад и приказывает пуделю:

«Пудель! Псс!»

Пудель делает один прыжок через всю комнату, вцепляется зубами в хвост Балтазара и тащит его к Фабиану. Теперь начинается тренировка.

Прежде всего Фабиан проводит пальцами по всему телу Балтазара, под шерстью, добираясь до самой кожи. Затем он несколько раз щелкает его по носу и спрашивает:

«Как тебе нравится это, Балтазар?»

Потом он вынимает из комода зажим для белья с пружиной и зажимает в нем хвост Балтазара. Последний испускает душераздирающий крик. Его хвост горит, зажим жжет как раскаленная сталь. Балтазар извивается, стараясь достать зажим ртом, но тот ускользает от него; он волчком кружится по комнате с зажимом на хвосте. Фабиан сидит на стуле с часами в руке и следит пока пройдут ровно пять минут. Его пальцы теребят часы, Балтазар танцует как сумасшедший по комнате, пудель скачет за Балтазаром и лает на него. Фабиан чмокает губами и прикрикивает:

«Ну-ка поскорее! Живее!»

После урока, когда Балтазар уже лежит, вымытый и причесанный, в углу комнаты, держа хвост во рту, Фабиан идет к канарейкам в соседнюю комнату.

Он поднимает шторы, вынимает маленькие ванночки с грязной водой, в которой

купаются канарейки, меняет воду, бросает желтые семена в ящички, ровно столько, сколько нужно на 24 часа, вычищает клетки маленькой метелочкой и обращается к молодой канарейке:

«Доброе утро, г. Дирижер! Туит, туит, Желтый Клюв.»

Он любит Желтого Клюва больше остальных канареек. Только недавно одна из его канареек начала сбиваться с тона, заикаться и хрипеть, и Фабиан не на шутку забеспокоился. Он знает, что когда запевала поет верно, то остальные вторят ему; но если хоть одна из них начинает заикаться и фальшиветь, то все остальные также сбиваются с тона. Он говорил об этом с ночным сторожем, и последний принес ему новую канарейку, великолепного певуна, который в первое же утро после своего прихода построил весь оркестр. Фабиан любит эту канарейку, играет с ней, дает ей поклевать свой палец и ласкает ее:

— Г. Дирижер! Желтый Клюв! Туит, туит, туит...

Для канареек отведена отдельная большая комната с четырьмя окнами. В рамы вставлены разноцветные стекла, и солнце просвечивает сквозь них яркими пестрыми полосками. С низкого, аркообразного потолка свисают, болтаясь, разные фарфоровые и бронзовые тарелки, и отсвечивают бесчисленными лучами в утреннем свете. Мягкая низкая мебель, в цветных, вязаных чехлах, меняет цвет по мере того, как по ней скользят солнечные лучи, и изогнутые олени рога висающие на стенах четко вы-

деляются в светящейся солнечной пыли. Фабиан удобно усаживается на стуле и поглаживает свои мягкие вьющиеся усы. Он скрещивает свои изящные ноги, похожие на ноги профессионального танцора, и начинает репетировать со своим хором.

Он свистит, отбивает такт пальцем и постукивает ногой:

«Туит, туит, туит, туит...»

Канарейки стучат хвостами, поводят клювами и все вместе начинают петь. В соседней комнате пудель опять начал мучить Балтазара. А издали доносится хриплый крик попугаев:

«Пани Фабиан, па-а-ни Фа-би-а-а-н.»

Кремевые двери кафе-ресторана Станиславова у Собора Св. Иоанна полуоткрыты.

Кельнерша с белой наколкой на волосах снимает со столов стулья. Хозяйка, Мадам Малгоша, стоит перед круглым зеркалом и накручивает на палец свои белокурые локоны. Она смотрит на свою кофточку, такую тугую, что она вот-вот лопнет, и по ее миловидному лицу разливается счастливая и самодовольная улыбка, от пухлого двойного подбородка до самых волос взбитых à la Grecque.

Фабиан Рейцес пропускает вперед пуделя, которого он ведет на ремешке, та сам следует за ним. Он видит Мадам Малгошу перед зеркалом, тихо прокрадывается сзади,

неожиданно хватает ее за тугую, полную талию и декламирует:

«Ах, попалась, птичка, стой
Не уйдешь из сети...!»

Мадам Малгоша, которая, конечно, видит Фабиана и пуделя в зеркале, притворяется, что на смерть перепугалась и вопит:

«Пресвятая дева! Кто это?»

Фабиан дотрагивается своими тонкими губами и кончиком своего прямого носа до пепельного локона свисающего на полную шею и вдруг оборачивается. Его изящные ноги танцора сверкают в воздухе, он бежит и прячется позади одной из кельнерш. Крепко обнимая ее, он хнычет:

«Спаси меня, девочка, моя жизнь в опасности!»

Мадам Малгоша подходит к нему; сто восемьдесят паундов ее тела, зажатого в тиски корсета, дрожат от притворного негодования. Она машет платочком и, задыхаясь, произносит:

«Проклятое животное! Старый юбочник!»

Фабиан продолжает обнимать кельнершу, прижимаясь к ней как ребенок к матери, и все его тело дрожит от смеха. Он повторяет:

«Ах попалась, птичка, стой,

«Не уйдешь из сети

«Не расстануся с тобой

«Ни за что на свете.»

Затем, когда Мадам Малгоша опускает платок и нагибается поднять розовую подвязку соскользнувшую от возбуждения с ее

полной ноги, Фабиан садится у стола и барабанит по нему наконечником своей палки.

«Кофе, пожалуйста, и побольше сливок.»

В ожидании пока подадут, он вынимает из кошелька монету и бросает ее в отверстие музыкального ящика. Автомат поворачивается несколько раз, испускает хрип, как певец, прочищающий горло, затем собирается с силами и наконец раздражается мазуркой. Две маленькие фигурки над инструментом внезапно пробуждаются к жизни. Бронзовый тирольский пастушек закидывает взад и нагибает вперед головку и стучит каблучками; напротив него бронзовая пастушка, выходящая так, точно она вот-вот родит ребенка, открывает и закрывает рот в такт музыке. Фабиан шелкает пальцами, постукивает ногой по полу, как бы подтанцовывая в сидячем положении и подпевает мелодии:

«Трал-ля-ля!»

Рядом с ним сидит пудель, пристально устремив на хозяина свои желтые глаза.

Между Фабианом и пуделем происходит инцидент. По установленному утреннему режиму, Фабиан ставит блюдечко с кусковым сахаром перед носом пуделя; пудель должен ждать пока Фабиан выпьет свое кофе и только после этого может взять кусочек сахара. Но на сей раз он не имеет должной выдержки. И, что еще хуже, он громко грызет сахар, полузакрыв глаза и свернув на бок свою дрожащую пасть, совсем как некая голодная бродячая собака гложет кость. Фабиан вне себя. Он засовывает палец в пасть пуделя, выгребает оттуда

жидкую сладкую массу, бросает ее на землю и хлещет пуделя его же собственным ремешком.

«Выплюнь сейчас же, мерзкая собака. А не то сдеру с тебя заживо кожу.»

Пудель поводит ушами, кончик его носа подергивается. Он знает без всяких слов, что он держал себя из рук вон плохо, что он заслужил наказание. Он знает, что его хозяин имеет полное право сердиться, но он не знает—это для него уж недоступно—как долго может продолжаться его гнев. Наполовину разжеванная сладкая масса лежит на полу около него и соблазняет его. Его голова опускается, в раскаянии, все ниже и ниже, но вместе с тем он ухитряется не сводить взгляда с хозяина и знает когда можно ждать следующего удара. Он слушает с притворным вниманием выговор и брань хозяина:

«Я заживо сдеру с тебя шкуру, ты, грязная обезьяна! Я пошлю тебя в собачий ящик! Я выучу тебя как вести себя!»

Голова пуделя уже лежит на самом полу, и его хребет начинает дрожать. Но Фабиан не обращает на это никакого внимания. Он продолжает говорить все тем же тоном и хлестать пуделя ремешком. Взглянув в сторону, он видит, что у Мадам Малгоши на щеках выступили красные пятна, она вот-вот заплачет. Когда он наказывает пуделя, у нее всегда выступают на щеках красные пятна. Фабиан подносит большой и средний палец к носу пуделя, больно щелкает его и говорит:

«Тихо. Ни звука!»

Мадам Малгоша больше не может выдержать. Она подбегает к столу, протягивает к пуделю пухлые руки и произносит мягким, нежным голосом:

«Настоящий зверь... Ненавижу Вас!»

Тут Фабиан вытягивает свои худые руки, и через мгновение мадам Малгоша, со всей ее солидной комплекцией, оказывается у него на коленях; она сидит там, не дыша, вытирает платком глаза и говорит, обращаясь к пуделю, нежным, счастливым голосом:

«Мой бедный, бедный маленький... бедный маленький мученик.»

Черные усы Фабиана путешествуют по лицу мадам Малгоши, его пальцы ошупывают ее пухлое тело, а мадам Малгоша не спускает глаз с мизинца Фабиана сверкающего зеленым камнем. Она берет Фабиана за кончики усов и воркует:

«Фабиан, дорогой, дашь мне это кольцо?»

Фабиан выпячивает усы как кот и шепчет ей на ухо:

«Если ты навестишь меня, моя милая, если навестишь меня.»

* * *

Когда башенные часы отбивают девять ударов, разносящихся по всему Старому Городу, Фабиан ведет пуделя к запертому антикварному магазину, его собственному предприятию.

По пути туда его приветствуют нищие

на паперти. Он останавливается для того чтобы предостеречь их:

«Смотрите, усердно молитесь, овечки. Молитесь от всего сердца.»

Он бросает несколько мелких монет в их пропотелые фуражки и попутно дает несколько пинков пуделю за то, что тот беспрекословно подчиняется любопытному обнюхиванию уличных собак.

«Если будешь так вести себя, пудель» — говорит он — «то я буду спать с Балтазаром, а не с тобой.»

Он почтительно снимает свой котелок при виде каждого похоронного шествия направляющегося к мосту и отвечает вежливым и любезным «с добрым утром» на все приветствия на улице. У двери магазина он застаёт ожидающим своего помощника, пожилого человека в зеленом плаще, с ящиком с рисовальными принадлежностями подмышкой. Тот болтает с кассиршей соседнего аптекарского магазина, пожилой женщиной с бесстрастным, длинным лицом. Фабиан здоровается раньше с кассиршей, целуя ей руку пахнущую мылом и лекарствами. Он говорит в рифму:

«Рад приветствовать Вас,

«Ваше присутствие радует нас».

Затем он протягивает руку своему помощнику и говорит тем же самым тоном:

«Маэстро Микельанджело,

Честь имею сказать Вам халло!».

Пожилый человек в зеленой пелерине

краснеет с головы до ушей. Он-художник, некогда удостоившийся медали. Его настоящее имя весьма аристократично: Станислав Заремба. Но Фабиан редко зовет его по имени, чаще всего насмешливым прозвищем вроде Микельанджело и Леонардо. Он также относится с неуважением к искусству Станислава Заремба, и когда уже называет его настоящим именем, то всегда коверкает его в насмешливое двустышие. Самое любимое его это:

«Маэстро Станислард

«Король художничьих мансард».

Заремба ненавидит, когда он называет его этими насмешливыми прозвищами, особенно, в присутствии аптекарской кассирши; поэтому он игнорирует протянутую руку Фабиана и сухо говорит:

«Г. Рейцес, я не позволяю называть меня насмешливыми прозвищами.»

Фабиан не отвечает, но дает ему подержать ремешок пуделя, пока сам открывает дверь магазина, и оба молча входят.

Отношения между антикваром Фабианом Рейцес и его служащим Станиславом Заремба далеко не дружественные. Некогда, много лет тому назад, они были товарищами. Тогда оба были молодыми людьми и делили один чердак в Кракове, оба целый день снимали копии с больших классических полотен в художественных галереях и мечтали о том, что сами когда-нибудь сделаются великими художниками. Станислав Заремба уверен, что ему действительно удалось сделаться таковым, несмотря на то, что ему

уже пятьдесят с гаком и что он всего на всего занимает пост реставратора картин на службе у антиквара Рейцес. Он верит в то, что в один прекрасный день он нарисует нечто такое, что поразит весь мир. Фабиан только смеется. Фабиан не верит ни в себя, ни в Зарембу; часто он щекочет своего помощника под ребрами и насмешливо говорит:

«Эй, Станко, Станко!»

Зарембу чрезвычайно огорчает такое обращение. Он отстраняет Фабиана в знак протеста против такой фамильярности, он подносит руку к своим длинным усам и высокомерно покручивает их, каковой жест рассчитан на то, чтобы поставить Фабиана на место. Он убежден, что если бы Фабиан хотел, то и он мог бы нарисовать хорошую картину, но он принимает тон артиста разговаривающего со скупщиком картин и говорит вызывающе:

«Г. Рейцес, я не позволяю говорить с собой таким тоном!»

Он протяжно произносит и многозначительно подчеркивает имя «Рейцес.»

* * *

По одну сторону магазина, за дверью-расположена галерея. Позади ее имеется окно, и у него стоит Фабиан, поправляя занавесы таким образом, чтобы они впускали свет, не позволяя, вместе с тем, никому заглянуть внутрь. Он прикрывает дверь и говорит Зарембе:

«Станко, заделай скважину в двери, хорошо? Вот вата.»

Заремба не двигается с места.

Он уже знает, что когда Фабиан задергивает занавесы позади галереи и заделывает щели в двери, то он затевает одно из своих мошенничеств: будет подделываться картина, имитироваться «оригинал». Заремба молча моет в скипидаре свои кисти и не отвечает. Фабиан, ничуть не смущаясь, начинает сам заделывать щели в двери. Он кладет на пол толстое смятое полотно и очень внимательно осматривает пятна и морщины, которые сам сделал на нем. Затем он поглаживает усы и обращается к Зарембе:

«Ну, что ты думаешь о полотне, Станко? Оно уже выглядит классическим, не так ли?»

Для того чтобы придать этому полотну «классический» вид было потрачено много усилий. Он мочил его в разных кислотах, мазал его воском, тер его скипидаром. В результате оно выглядит как следует, и сам дьявол не скажет, что оно подделано.

Его усы обнажают улыбку. Он снимает с полки и ставляет в надлежащем порядке несколько бутылочек с красками и массу кистей, одни короткие и толстые, другие тонкие, заостренные как перья. Он приносит из потаенных ящиков банки со скипидаром, куски воска, жир и сухой лак и все время разговаривает с Зарембой:

«Отличная погода сегодня, Станко, не правда ли? Свет превосходен. Бог посылает такие дни специально для копировщиков...»

Заремба бросает взгляд на Фабиана и, в припадке ярости, швыряет кисти на пол.

Когда в первый раз Фабиан предложил ему, чтобы помимо реставрирования картин он занялся копированием и подделкой, Заремба схватил свой ящик с красками и кистями и разразился негодованием.

«Фабианко!» закричал он. «Ты заходишь слишком далеко. Заремба тебе это никогда не простит. Фабианко, это затрагивает мою честь.»

Несколько минут Фабиану было не по себе. Он вспомнил, что ближайший полицейский участок находится за углом, и кривая усмешка озарила его лицо. Он подумал и решил пойти на риск. Заремба продолжал стоять перед ним, немой от гнева. Он не двинулся, он не выбежал из магазина. Так. Фабиан холодно посмотрел на Зарембу, тем же самым острым и пронзительным взглядом, каким он смотрел на своего кота. И Заремба выдержал этот взгляд одну только секунду. Потом он опустил глаза, его свободная рука беспомощно повисла и, казалось, он вот-вот выронит ящик с красками из другой руки. Фабиан овладел собой и сказал со слабой усмешкой:

«Станко, приходи завтра рано; после обеда слишком мало света.»

На следующее утро Заремба пришел рано, как было приказано.

Заремба знает, что и теперь, несмотря на то, что он бросил, в припадке ярости, кисти на пол, он, в конце концов, сделает то, что хочет Фабиан. Он хмуро наблюдает за каждым движением Фабиана, он смотрит на

его пронзительные черные глаза, на его вьющиеся, смеющиеся усы, и нагибается за кистью. Сквозь зубы он бормочет:

«Иуда! Предатель!»

Фабиан смотрит на него в упор и улыбается; причем кажется, что кончик его носа вот-вот коснется его губ. Он мягко и кратко говорит:

«Не волнуйся, Станко. Сегодня это будет Рубенс, подлинный Рубенс. А Рубенс всегда был в хорошем настроении, в прекрасном состоянии духа.»

III

Фабиан сидит у окна своего магазина с выдувной трубочкой в губах. Его глаза перебегают с голубого огонька, который он раздувает, на горячий тигель, в котором как ртуть передливается расплавленное золото. Возле него на кресле сидит пудель, робко смотрит и изредка чихает.

Фабиан любит работать для себя, починять, комбинировать, переделывать. Но более всего прочего ему нравится работа ювелира. Он любит расплавлять кусочек золота в тигеле и наблюдать, как передливается жидкость; ему также нравится заливать ее в форму и наблюдать, как она застывает. Он играет с огнем и выдувной трубкой, как мальчик с мыльными пузырями; когда он дует слегка, плямя сворачивается в дугу, когда он дует сильнее, оно удлиняется в белый факел. Ему начинает казаться, что где-то внутри его есть огонь и что он либо выпускает его

через трубочку либо держит спрятанным под сердцем. Поэтому, когда ломается какая-либо ценность, рвется золотая цепь или распадается серьга, Фабиан сам производит починку. Пудель наблюдает, моргает от страха при виде и от жара огня. Он не любит паров испускаемых старым золотом во время плавки. Что-то цекочет у него в носу, он чихает и ворчит.

Фабиан замечает:

«Тихо, пудель. Мы все страдаем за золото. Это деликатная материя.»

Пудель поднимает хвост, как бы давая этим понять, что он обдумает слова своего хозяина; тем временем звонит звонок, пудель соскакивает с кресла и раздражается пронзительным, сердитым лаем. Но это всего на всего отец Генсти, ректор богословского семинара находящегося по соседству с магазином Фабиана. Пудель хорошо знает его, ибо он частый гость, но не любит его из-за его длинной рясы и лаем на него точно так же, как он лаем на еврейских нищих в длинных кафтанах приходящих за милостыней к ним во двор. Фабиан берет пуделя за ухо и строго выговаривает ему:

«Молчи, атеист. Разве так приветствуют служителя Бога?»

Отец Генсти поднимает полы своей рясы, чтобы пудель не порвал их зубами и говорит:

«Как хозяин, так и собака».

Фабиан усмехается кривой улыбкой, что он делает всегда, когда вдохновение прерывает спокойный ход его мыслей. Он просит священника присесть в кресло у стола, сам

вытаскивает метелку из перьев, надевает нечто вроде голандской ермолки на голову в защиту от пыди и начинает уборку. В середине ее он вдруг спрашивает Генсти:

«Профессор Генсти, знаете ли Вы в чем кресле Вы сидите?»

Священник вскакивает на ноги и внимательно смотрит на кресло.

Генсти — еще молодой человек, но его кожа одуловата, как у большинства семинаристов. У него большие, очень ясные, несколько глуповатые глаза. Он обожает редкости. У него самого имеется большая коллекция табакерок, кусков янтаря, святых реликвий. Он испытывает глубокое удовольствие, когда имеет случай рассказать молодым студентам — семинаристам об исторических местах, которые он посетил, о зданиях, которые он видел, о стульях в которых сидел. Он тщательно осматривает кресло и пытается расшифровать буквы вырезанные на его ручках и ножках. Он внимательно смотрит на порванное сиденье, из которого вылезают солома и волосы. Его большие, глупые глаза переходят от кресла к Фабиану и назад.

«Ну, я сдаюсь. Чье это кресло?»

Фабиан проводит метелкой по бороде Св. Матью и спокойно говорит:

«Чье? Пуделя, конечно — это личное кресло пуделя.»

Отец Генсти краснеет, его глаза раскрываются еще шире, и на его лысине выступает пот. Он хочет сказать что-то резкое и поэтому вытягивается во весь рост. Но еще до того как он придумывает что бы сказать,

Фабиан проводит метелкой по животу китайского бога и вежливо добавляет:

«Между прочим, профессор, посмотрите на сидение Вашей рясы. Пудель мог наделать что-нибудь на своем кресле.»

* * *

Отец Генсти сердится несколько минут, но затем приходит в себя и начинает бродит по магазину. Он шарит между старыми книгами, картинками и связками рукописей. Через некоторое время он зовет Фабиана:

«Эй, Фабиан, этот латинский кодекс здесь, это первое или второе издание?»

Фабиан стоит на маленькой лесенке, с метелкой в руке, и отвечает:

«Первое, мой дорогой, первое.»

Генсти чувствует себя счастливым.

Антикварный магазин так набит товаром, что в нем трудно передвигаться. Неустойчивые кресла и диваны всех цветов и возрастов опираются о всякие персидские, китайские и японские ковры. Канделябры с разбитыми подсвечниками и погнутыми трубками лежат бок-о-бок с разрозненными скелетами и древними глиняными сосудами. Мраморные вены прижимаются к бороатым апостолам и капуцинским монахам. Будды из слоновой кости лежат у ног бронзовых обезьян и сатиров. Деревянные распятия валяются вперемежку со старыми скрипками и нецунзорованными Боккачио.

Генсти слоняется вокруг, вытаскивает вещи, рассматривает, кладет назад. Ему нравятся самые пыльные места, покрытые самой

густой паутиной. Он читает даты и надписи, латинские молитвы, греческие элегии, древнееврейские иероглифы, арамейские свитки. Он дотрагивается до маленьких вещей, причудливых раковин, кусочков янтаря, разноцветных камешек, обломков статуй; его дыхание учащается и ему становится не по себе. Он ждет случая опустить что-нибудь в задний карман своей рясы, пустяк, тысячную часть окружающего его богатства, просто нечто, отсутствие чего никогда не будет замечено; и на его лбысине опять проступает пот.

После того как он в первый раз сделал это он не мог успокоиться несколько дней. Ему казалось как будто что-то грязное прилипло к его пальцам, что-то чего он никогда не сможет отмыть. Он все время старался вытереть их хорошенько о свою рясу. Когда он опять пришел в магазин, то ему показалось, что Фабиан усмехнулся каким-то особенным образом; эта улыбка пронзила его тело и вызвала дрожание всех его конечностей, до пальцев ног. Некоторое время после этого он избегал магазин, но Фабиан встретил его на улице, поймал за рукав и очень деловым тоном сказал:

«Профессор Генсти, вы никогда больше не придете ко мне? Быть может у вас есть что-нибудь, что вы хотите обменять?»

Он проводил Фабиана до магазина, задержался за чтением старинных манускриптов и опять добрался до мелких вещей. И опять опустил пустячек в задний карман своего священнического облачения. Только в одном он неуверен: знает об этом этот пронизательный негодяй или нет?

Он потирает руки о свою рясу и начинает шумный разговор для того чтобы сбить с толку собеседника:

«Фабриан», кричит он, «я хочу чтобы вы подарили мне эту фарфоровую безделушку. В обмен я дам вам табакерку из рогов носорога, сделанную в иезуитской школе искусств и ремесел в 17 веке.»

Фабриан смотрит на Генсти углом глаз, старается угадать, что именно он опустил в карман рясы и удовлетворенно улыбается:

«Идет, дорогой Генсти. Привнесите мне табакерку, мы посмотрим.»

Он специально наставляет разные, ничего не стоящие вещи, для Генсти, вещи, которые просто «просятся» быть взятыми, и его душа наполняется удовлетворенностью видя, что Генсти так густо краснеет, что это, кажется, заметил бы и слепой.

Отец Генсти отряхивает пыль со своей рясы, вытирает пот с головы и лица и поднимает связку старинных манускриптов. Фабриан ползает по магазину, вытирает золоченую раму старого мастера, смывает следы мух с носа гипсового царского шута, чистит бороду микельанджеловского Моисея, и полирует его рога. Он задумчиво обращается к статуе:

«Ну, старик Моисей, где ты взял эти рога? Циппора наставила тебе их, а?»

Эти слова выводят священника из себя. Он еще раз вытягивается во весь рост и восклицает:

«Фабриан! Это ... это.»

Но здесь он вспоминает, что на дне его заднего кармана нечто лежит; он оканчивает свою фразу приступом кашля и меняет разговор:

«Фабрианко», говорит он, «мне нравится этот манускрипт. Ты сдерешь с меня шкуру за него?»

«Фабриан продолжает полировать Моисея и отвечает:

«Всего на всего банку меда, мой дорогой, и бутылку настоящего бенедиктина. И мы разопьем их вместе.»

Лицо Генсти освещает счастливая улыбка. Вот дешевка! Он поднимает предостерегающе палец, грозит Фабриану и говорит:

«Фабриан! Вот обжора!»

Фабриан берет за ремешек пуделя и готовится сопровождать священника в соседнюю семинарию.

* * *

Это самый шумный час на базарной площади, известной под названием «Старый Город».

Из высоких стен домов на свет Божий смотрят узкие готические окна; они как-бы размышляют о шумном и грешном прошлом и возмущаются бесстыдством грязных простынь и красных юбок, которыми они сплошь завешаны теперь. Во всю длину причудливого балкончика тянется веревка с развешанным бельем, на которой развеваются пара мужских кальсон, раздуваемых ветром. Солнце изливает белый свет на широкую базарную площадь, и взору пред-

ставляется сцена наполненная движением и смешением цветов. Свиные туши лежат на лотках, выставляя напоказ голубому небу свои бритые зады. Между корзинками с луком, свеклой и морковью блуждают женщины в красных платьях и евреи с желтыми бородами, похожими на их товар. Возле фонтана, изливающего воду из раскрытой пасти железного льва, жалобно ржут лошади и покусывают одна другую за гривы толпясь у старого, поросшего мохом, корыта. Мяслики, молодые, широкоплечие и краснолицые парни, громко кричат, всорясь в бородатыми сторожами; их голоса хриплют от водки и папирос. А над всем этим гамом густого, горячего воздуха, разносятся скулящие напевы нищих, громкие и пронзительные.

Фабиан молча идет рядом с отцом Генсти; каждый раз, когда молодой семинарист, одетый в облачение священника, кланяется профессору, Фабиан поднимает шляпу, и его лицо озаряет улыбка.

Вскоре его взору представляется сценка, которая доставляет ему особое удовольствие.

От одного из углов базарной площади идет вниз узкий переулочек. В середине этого переулочка, недалеко от базарной площади, стоит здоровенная, круглолицая блондинка, преграждая распростертыми руками путь двум молодым религиозного вида евреям, которые, судя по одежде, только что покинули бойню «Старого Города.» Молодые люди в ужасе. Не будучи в состоянии пройти мимо блондинки, они обращаются в

бегство в противоположную сторону, но у входа на базарную площадь стоит здоровенный парень и гонит их назад, в объятия женщины. Фабиан тянет Генсти за рукав.

«Хей, профессор.»

Профессор Генсти не желает смотреть. Вместо этого он поворачивает в сторону и дергает за ручку висячего звонка болтающегося под старым каменным балконом. Фабиан отрывает пуделя от собравшихся вокруг него собак и входит в просторный, тихий монастырский двор.

Комната профессора Генсти прохладна и спокойна. У каждого входящего туда создается впечатление, что она не только ограждена от шумного света, но что последний вообще больше не существует. Узкие, старомодные окна покрывают белые и прохладные занавесы, на стенах золотистые обои. И песок, насыпанный между двойными рамами, и вата, положенная там для того чтобы предохранить от сквозняков, так чисты, как если бы сейчас было самое начало зимы.

Фабиан сидит у стола, смотрит на причудливые отражения своего лица в наполненных рюмках и на золотистые лучи отражающиеся через мед, вино и ликеры на белой скатерти. Он мечтательно прислушивается к словам Генсти:

«Фабианко, ты не умеешь пить. Бенедиктин всегда нужно немножко подержать между небом и кончиком языка. А между глотками едят вот эти эти медовые бисквитики.»

Служанка убирает одну бутылку и приносит другую, покрытую паутиной. Она вытирает паутину и вынимает пробку. Генсти опять выпивает, и его язык распускается. Он начинает говорить профессорским языком, как бы обращаясь не к одному Фабиану, а к целой аудитории студентов.

«Фабиан, я дрожу за тебя. Фабиан, тебя ждет мрачная судьба.»

Генсти не может раскусить Фабиана—он не знает, к какому «миру» он принадлежит. Он много раз пытался разузнать, какой веры Фабиан, но всякий раз без успеха. Иногда он уверен, что Фабиан—протестант, иногда же он в равной степени уверен, что Фабиан принадлежит к его церкви—католической. Он считает, что Фабиан глубокий человек, а раз это так, то он, конечно, не мог воспринять догмы и ритуалы этих сухих «ослов». Но иногда ему кажется, что Фабиан вовсе никогда не был крещен, что он остался, по крайней мере, формально, старым, суеверным евреем. Он не теряет надежды узнать какого вероисповедания, в конце концов, Фабиан и поэтому сворачивает разговор на религию.

«Мой сын,» говорит он, поднимая два пальца, «у собаки есть конура, у птицы гнездо; и человек, царь всего живого мира, также должен иметь свое место, согласно...»

Фабиан вытаскивает из своего внутреннего кармана пачку открыток, изображающих монахов и монахинь и показывает их Генсти.

«Знаете, какого они века?» спрашивает он.

По лицу Генсти пробегает красная волна,

его глаза начинают блестеть, и нижняя губа дрожит:

«Фабианко, Фаб...»

Фабиан перебирает открытки и находит репродукцию картины написанной масляными красками.

«Посмотрите на это, мой дорогой Генсти, какая красота, это итальянская школа.»

IV

В Воскресенье утром Фабиан укладывает волосы, закручивает усы и до обеда разгуливает с повязками на голове и усах.

В Воскресенье он всегда принимает гостей и убирает дом для приема. Прежде всего он занимается своим аквариумом—посыпает свежий песок и выстилает корнями и папоротником его стекляное дно. Он стоит и несколько минут наблюдает за плавающими взад и вперед золотыми рыбками и за змеей свернувшей в клубок на дне стеклянной банки. Затем он ловит морских свинок и осматривает их одну за другой. Если он находит среди них больную, то выносит из комнаты и на следующее утро зовет из окна старого ночного сторожа:

«Эй, дедушка, для тебя сегодня есть жаркое.»

После этих приготовлений он тщательно умывается, надевает аккуратно выглаженный сюртук и белый шелковый галстук и садится упражняться с Желтым Клювом в новых трелях.

Желтый Ключ превосходно себя чувствует и выделывает горлышком всякие неожиданные трели и рулады. Фабиан дает ему поклевать свой палец и хвалит его:

«Первый класс, г. Дирижер. Поздравляю тебя, Желтый Ключ.»

Первым приходит отец Генсти.

Фабиан открывает дверь и улыбается ему из под подвязанных усов. Генсти поражен, как если бы он вдруг очутился лицом к лицу с клоуном, и поспешно поднимает руку для крестного знамени.

«Фуй, Фабиан!» восклицает он. «Вы похожи на черта.»

Фабиан ведет его к столу и усаживает у разноцветных фляжек и стаканов. Он подает ему кусок пирога разрезанного на девять частей и говорит:

«Попробуйте это, Генсти. Это из собственной пекарни мадам Малгоши, и пирог такой же жирный и сладкий, как сама мадам Малгоша.»

Генсти краснеет.

Он вспоминает, как всегда, проходя мимо предприятия мадам Малгоши, он поспешно и как бы рассеянно заглядывает внутрь, в надежде хоть мимоходом увидеть ее.

Правда, он никогда не делал этого в присутствии Фабиана, но этот черт так говорит о ней, как если бы он знал что-то, и поэтому Генсти краснеет. Отец сегодня в праздничном облачении и настроении, чисто выбрит, в свежем белье и все еще под впечатлением

только что произнесенной ученой и глубоко-мысленной собственной проповеди. В его ноздрях до сих пор сохранился запах восковых свечей, ладана и женских губ прижатых к его руке. Он только сейчас созвывает как поразительно глубока была его проповедь и не может удержаться от того, чтобы не повторить для Фабиана самые важные места из нее.

«Дети», сказал я им, «человека можно сравнить с альпинистом взбирающимся на гору. Он часто падает, и камни и шипы больно ранят его тело. Он часто идет окружным путем и часто вовсе не следует никакому определенному плану и никакому определенному пути. И, несмотря на все это, мы видим, как он поднимается все выше и выше. Только дурак и слепой верят, что если мы упали однажды, то мы должны и дальше падать, падать в самую пропасть.»

Фабиан стоит у стола и рассеянно улыбается из под подвязанных усов. Он занят мыслью о жареном зайце, которого он приготовил на обед. Для него чрезвычайно важно, чтобы заяц был подан целым и в сидячем положении, как живой. Ему удалось посадить его, начинив крутыми яйцами, но равновесие его чрезвычайно неустойчиво. Из его глупого рта все время выпадает петрушка, и даже когда заяц сидит, то все блюдо выглядывает как то странно, как будто соус на тарелку положил сам заяц, а не повар, и, кроме того, заяц выглядит невеселым, как если бы сознавая, что он ведет себя не так, как следует в приличном обществе. Фабиан поддерживает зайца пальцами и напевает:

«Сиди, зайчик, сиди,
Добрый люд, посмотри!»

Но заяц отказывается сидеть, он все время опрокидывается. И Фабиан, прерывая умную тираду профессора Генсти, говорит:

«Профессор, будьте молодцом. Поддержите его сзади, пока я прилажу его ноги.»

Генсти стоит там с красным лицом, поддерживая вилкой зад зайца. Фабиан сгибает ноги последнего таким образом, чтобы они служили ему опорой в сидячем положении посреди салата и овощей и говорит Генсти, из под подвязанных усов:

«Поговори с ним, Генсти. Он только глупый заяц. Скажи ему, что умный человек падает один раз, но встает зато много, много раз.»

Стучат в дверь, причем Фабиан срывает повязки с усов и головы и бежит открыть ее. Должны притти дамы, а Фабиан всегда вежлив и почтителен с дамами, Первыми приходят Заремба с женой. Фабиан учтиво приветствует их и подводит к накрытому столу. Вскоре приходит и мадам Малгоша, и Фабиан совсем сияет.

Он вводит ее, подплясывая. «Пожалуйста, вот сюда».

Вначале все чувствуют себя немного напряженно.

Станислав Заремба не перестает щупать круглые манжеты своей крахмальной сорочки, в которых торчат огромные запонки. Он придал аристократический выверт своим усам и обращается подчеркнуто вежливо со своей

бледной, увядшей женой—простой портнихой, костлявые руки которой выглядят еще более некрасивыми и болезненными чем всегда из под вышитых рукавов ее узкой блузки. Она сидит навывтяжку, с напыженными и строго зачесанными вверх волосами и старается выглядеть очень важной, даже сидя стремясь показать свой рост, как манекен на выставке. Когда она ест, то кажется, что ее руки как бы приросли к вилке. Заремба обращается с пищей с аристократичной небрежностью, как бы в неуверенности стоит ли она его внимания. Он проглатывает слюну подступающую к его губам каждый раз при взгляде на жареного зайца и протягивает тарелку своей жене грациозным жестом вельможной особы на столичной сцене:

Он зовет ее «Мать».

«Мать, хочешь салата или кусочек огурца?»

Она поднимает руку как бы привинченную к локтю и говорит, наполовину через нос, с французским акцентом:

«Благодарю тебя, Станик, не беспокойся».

Мадам Малгоша потеет. Головокружительные манеры супругов Заремба производят на нее огромное впечатление и вместе с тем смущают ее. Ей кажется, что Зарембы — самые аристократичные представители высшего общества. И то, что у мадам Заремба такие костлявые руки и такая старомодная блузка, вовсе не мешают ее изысканности. Она чувствует себя очень плохо и из-за своей полноты и из-за своего нового тюлевого платья. Кроме того, Фабиан все время пожимает ее ногу под столом. В результате всего вместе взято-

го, она не может ничего есть. Она только благодарит Фабиана и повторяет:

«Спасибо, спасибо, не беспокойтесь.»

С лица отца Генсти не сходит густой румянец, так же как с его шеи и ушей, и кажется, что он вот-вот лопнет. Мадам Малгоша сидит напротив него, выставив свое пышное и пухлое декольте. Он чувствует, что на его лысине выступил пот и что лицо его заливают краска, и все это заставляет его краснеть еще больше. Он чувствует, что глаза Фабиана все время устремлены на него, он же держит свои опущенными на тарелку и нервно играет с салфеткой обвязанной вокруг шеи.

Первым расходится Заремба. Он не умеет пить—вино не проходит в его желудок, но ударяет ему в голову. Он начинает вспоминать времена, когда он был учеником в Краковской академии искусств. Наполняя вторую рюмку, он говорит:

«Фабианко, помнишь старые времена на чердаке? Это были голодные дни, но все таки счастливые. Очень счастливые.»

Фабиан чокается с ним и возражает:

«Все это неправда, друзья. Нет ничего более ужасного, чем быть голодным. Это стыд и унижение, когда человек целый день мечтает о куске мяса и ломте хлеба.»

«Смотрите, вдруг мы все были бы голодны, сидели здесь и только мечтали бы о жареном заде зайца!»

Заремба вскакивает на ноги, опрокинув рюмку. Он так сердит, что брызжет слюной.

Он сметает рюмку со стола на пол и кричит:

«Фабиан, я принимаю это за оскорбление. Вы обидели всех нас. Вы оскорбили мою жену.»

Фабиан наливает ему еще одну рюмку, и Заремба садится. Он пьет и раздражается причитанием:

«Фабиан», хнычет он, «посмотри, что ты сделал из меня. Копировщика, жулика! Отдай мне Зарембу, каким я когда-то был, отдай мне старого Станислава Зарембу.»

Фабиан смеется. «Заремба, ты всегда был копировальщиком. Даже твои оригинальные картины были копиями, и плохими, к тому же.»

Отец Генсти старается водворить мир, но Фабиан прерывает его:

«Мы все подражатели, все. Заремба в своих картинах, вы в своих проповедях, я в моих антиквариатах.»

Заремба вдруг швыряет вилку на стол и истерически кричит:

«Я убью тебя, Рейцес, куда ты такой! Я отдам тебя в руки полиции!»

Фабиан встает и смотрит Зарембе в упор в глаза. Последний выдерживает его взгляд, но один только момент, затем опускает глаза и его руки виснут в бессилии. Он встает, беспомощно, как бы загипнотизированный, Фабиан берет его за руку и подводит к дивану.

«Полежи лучше, Заремба», говорит он, «завтра тебе надо рано быть на работе.»

Заремба слушается, как ребенок. Он ложится и закрывает глаза. Отец Генсти с изумлением смотрит на Фабиана. Он подозревает, что этих двух людей связывает какая-то страшная тайна. Он полон подозрений в отношении Фабиана. Тем не менее, он продолжает поддерживать разговор с мадам Малгошей и разводит пространную мораль. Он говорит, что пьянство это порок и подтверждает это латинской цитатой, выпивает еще рюмку, икает, рыгает, и вспоминает еще одно удачное место из своей проповеди:

«Дети», сказал я им, «когда ваши виноградники созрели и ваши оливы дают масло, вспомните творца всего земного.»

Фабиан уводит мадам Малгошу в другую комнату, обнимает ее и свободной рукой берет ее за подбородок. Мадам Малгоша поднимает руки и играет кончиками его усов.

«Фабианко, ты обещал мне то кольцо с зеленым камнем.»

Фабиан враскоряку целует ее.

После ухода гостей Фабиан собирает остатки зайца и пирога со всех тарелок для своих животных.

Вечером он ждет других гостей.

Каждое воскресенье вечером у него танцы. Гости приходят из узких, кривых улочек лежащих у Вислы: погонщики скота, мясники, возчики песка, рыбаки со своими девушками, по большей части, молодыми швейками. Их приходит несколько десятков, все по приглашению, на танцы к Фабиану, причем он является бесплатным учителем. Он делает

это не за деньги, упаси Бог. Только ради удовольствия. Он любит танцы, он любит учить танцевать и ему нравится общество этих людей. Фабиан - стройного роста, с удивительно подвижными ногами. Они как бы сами танцуют, даже без музыки. Кроме того, у него фигура балетмейстера, и он носит узкое в талии пальто с развивающимися полами, как все присяжные учителя танцев. В дополнение ко всему, его усы и волосы жирно напояжены и завиты, и на его пальцах сверкает множество колец с бриллиантами. Погонщики скота, мясники и рыбаки и их подруги принимают его за настоящего учителя танцев, профессионала. И они считают, что это в порядке вещей, когда Фабиан прижимает к себе свою партнершу ближе, чем это полагается во время танца, ведь он бесплатно отдает им свой труд и время.

Сидя в ожидании гостей, Фабиан кормит остатками обеда животных и спрашивает их:

«Ну, как вы думаете? Есть у Фабиана воображение или нет?»

Позже приходят парочки, и комната наполняется запахом дешевого мыла и духов. Фабиан быстро и грациозно скользит по комнате, хватая одну девушку за другой за талию, кружит ее, оставляет и берет другую и все время напевает:

«Если любишь, дорогая,

«Не лей слезы понапрасну...»

В комнате жарко и шумно. На противоположной стороне улицы собираются несколько уличных мальчишек и бьют в ладо-

ши. Фабиан без устали кружится по комнате.

Иногда кажется, что вот-вот вспыхнет драка.

Фабиан злоупотребляет своими правами учителя танцев, он хватается в свои объятия слишком много девушек, он выхватывает их из рук кавалеров без обычного «извините», и его поведение вообще перестает быть похожим на благовоспитанность учителя танцев. Одному молодому мяснику начинает казаться, что Фабиан позволяет себе слишком много: Фабиан схватил за руку его даму, отнял ее у него; мясник стоит, покачиваясь, его лицо и шея наливаются кровью, он нагибает голову, как петух, вот-вот готовящийся нападение — но прежде чем он решается на это, Фабиан исчезает в толпе. Он уже на противоположном конце комнаты, он громко хлопает в ладоши и кричит:

«En avant!»

Мясник совершенно не знает, что ему делать, он тупо смотрит вокруг и вдруг находит девушку опять в своих объятиях. Фабиан уже танцует с другой и, танцуя, медленно выскальзывает с ней в другую комнату.

Девушки любят его. Он показывает им своих попугаев, один из которых умеет вытаскивать бумажки со «счастьем». Они считают Фабиана богачем и ждут от него подарков. Они указывают на кольца на его пальцах и робко говорят:

«Пани Фабиан, это так пошло бы моей руке.»

Попугаи вытягивают свои шеи, выпячивают клювы, наклоняют головы на один бок, смотрят на парочку уголками глаз и резко кричат:

«Пани Фаби-ан, пани Фа-би-ан!»

В окна магазина Фабиана заглянуло слабое желтое солнце, как лицо человека большого желтухой.

Фабиан отложил молоток и долото, при помощи которых он возился над копьем, и перевязал свой раненый большой палец, который опять начал болеть.

Это была трудная работа.

В конце прошлой недели его посетил странный клиент. Посреди жаркого дня великолепная карета, запряженная четырьмя лошадьми, пересекла шумный и запряженный толпой, «Старый Город». Огромный кучер размахивал кнутом над головами лошадей и энергично пробивал себе дорогу, переворачивая на своем пути бочки и тачки. Карета остановилась у магазина Фабиана, и из нее вышел молодой человек с очень худыми ногами в коротких брюках, похожий на изображение принца на дешевой посуде.

Сначала Фабиану понравился этот странный молодой человек. У него было худое, бледное лицо и узкие плечи, и его глаза, большие и ясные, смотрели мечтательно, как глаза детей. Но не успев поговорить с

молодым человеком и двух минут, Фабиан изменил к нему свое отношение. Ибо детская внешность этого молодого человека совсем не подходила к его самохвальству. Он выдал себя за большого специалиста, археолога и что бы ни показывал ему Фабиан, вызывало у него одно только презрительное замечание:

«Заберите это, мне нужно что-нибудь настоящее.»

Фабиан вытащил несколько редких вещей. Но молодой человек отстранил и их презрительным жестом, говоря:

«Найдите мне что-нибудь приличное, хорошо? Оригинал!»

— «Оригинал?»

Фабиан бросил испытующий взгляд на незнакомца и повел его к ящику с хламом, набитому осколками и обломками вещей. Указав на него величественным жестом, он сказал:

«Вот здесь я храню самое ценное. Выбирайте, господин.»

Молодой человек перерыл ящик, разбросав содержимое на пол, закашлялся от пыли и прекратил поиски.

Фабиан, притворяясь, что он не смотрит, следил за ним уголками глаз. Теперь он понял. Молодой человек искал «находки». Он хотел похвастаться перед друзьями, что в магазине антиквара Рейцеса он нашел ценную редкость и приобрел ее почти ни за что. Поэтому, когда Фабиан увидел, что он держит неуклюжее бронзовое копые, покрытое глиной и пылью, он понял, что в

это время думал молодой человек: вот его ценная редкость — ископаемое «бронзового века.» Его предположения подтвердились, когда молодой человек с показной небрежностью сказал:

«Вот, сколько хотите за это старье?»

Фабиан взглянул, погладил усы и сказал:

«Это вам будет стоить пятьсот рублей.»

Молодой человек презрительно улыбнулся, пошарил в карманах и сказал:

«У меня нет с собой столько денег. Я дам вам сто в задаток, а вы, пожалуйста, отложите это для меня.»

Фабиан взял ассигнацию и отложил копые. Он принес молодому человеку шило и сказал:

«Можете пометить это копые.»

Молодой человек презрительно улыбнулся и отложил шило в сторону.

«Мне не нужны пометки на предметах древности. Я на них собаку съел, и меня не легко надуть.»

Фабиан взял шило и почтительно улыбнулся.

Молодой человек уехал таким точно величественным образом, каким он приехал. Кнут щелкал над головами людей на базаре, карета сметала на своем пути направо и налево бочки и тачки и наконец исчезла на противоположном конце Старого Города.

Не успел он уехать, как Фабиан нашел другое копые, похожее на то, которое выбрал

молодой человек и начал отделывать его при помощи молотка и долота. Это была трудная работа, требующая серьезной сосредоточенности в течение нескольких дней, но он только такую работу и любил.

Он и теперь занимается этой работой. В магазине тихо. У его ног, вокруг него, позади его, наполовину на солнце, наполовину в тени, лежат бронзовые и мраморные фигуры, как тела на поле битвы. Высоко на пьедестале стоит в своей обычной позе Наполеон, взирая скучным и печальным взглядом на недвижимого хозяина. Кончив перевязывать свою руку, Фабиан вновь принимается за работу, беспрестанно постукивает молотком, поворачивает копьё во все стороны и шепчет, обращаясь к пуделю:

«Нелегкое это дело, археология, совсем нелегкое.»...

Вдоль галлерей за дверью слышны ритмичные, усталые и тяжелые шаги. Это Заремба. Фабиан зовет его:

«Эй, Маэстро Станислард,

«Король художничьих мансард!»

Заремба не отвечает. Он знает, что делает Фабиан и не смеет смотреть ему в лицо. Он не хочет быть свидетелем. Фабиан кончает колотить, опускает бронзовое копьё в разные кислоты, чтобы снять с него ржавчину и сдувает со своих колен бронзовую пыль. Ему приходит в голову, что труднее всего подделать нечто совсем примитивное. Как неуклюжи и вместе с тем просты были эти предки человечества! Фабиан также вспоминает, что у него осталось мало времени:

сегодня после обеда придет за своей редкостью молодой человек с худыми ногами в коротких брюках.

Немного позже входит Заремба и говорит: «Вы звали меня?»

Фабиан обмакивает кончик копья еще раз в кислоту и говорит:

«Нет. Я просто хотел сказать тебе какой афоризм мне только что пришел в голову. Труднее всего подделать бесформенное. Не так ли, пудель?»

Послеобеденное время в магазине. Атмосфера насыщена возбуждением. Молодой человек вертит в руках копьё, законченное Фабианом только час тому назад, и замечает, качая головой:

«Странная вещь, г. Рейцес. Это копьё даже не значится в ваших каталогах. Вы, наверное, забыли про него.»

Фабиан ничего не отвечает. Он занят уборкой, смахиванием пыли. Молодой знаток продолжает разговор с Зарембой и Генсти, которые в это время также находятся в магазине. Он восторженно рассказывает им о своих открытиях и опыте. Рассказывает поразительные истории о мошенниках, которых он вывел на чистую воду, о подделках, которые он обнаружил и заканчивает каждый рассказ словами:

«Я на этом собаку с'ел, господа.»

Заремба с любопытством слушает, гордо поглаживая усы для того, чтобы привлечь внимание к своей, далеко не безинтересной, особе. И чем больше говорит молодой чело-

век, тем сильнее становится желание Зарембы тоже сказать что-нибудь особенное, что-нибудь удивительное. Он знает, что для того, чтобы произвести впечатление на этих слушателей, он должен огласить им один только большой секрет. Он может представить себе при этом лицо этого аристократичного молодого человека; он может представить себе какое впечатление это произведет на ученого ректора, профессора Генсти. Он горит нетерпением, он поднимает одну руку, принимает величественную позу, его губы дрожат от нетерпения и возбуждения—и в этот момент он видит Фабиана, глаза которого устремлены на него пристальным взглядом:

«Извини меня, Заремба, ты загораживаешь мне свет.»

Рука Зарембы падает, он опускает глаза и механически отходит в сторону.

Когда покупатель уходит, и последнее щелканье кнута стихает вдали, Генсти начинает рассыпаться в комплиментах по адресу молодого человека и той редкости, которую он увез с собой. Он завидует ему, сознавая в одно и то же время, что зависть есть грех. Он облизывает губы и говорит:

«Прекрасный молодой человек. Он достоин этой находки.»

На что Фабиан вытаскивает из под голубелена настоящее копые, подает его Генсти и говорит, смеясь:

«Это для вас, Генсти. Для вас достаточно копии.»

Генсти берет копые и недоверчиво ощупывает его. Он никогда не знает за какую

монету следует принимать и слова и подарки Фабиана. Он смущенно вытирает руки о рясу. Заремба таращит глаза, они вот-вот вылезут у него на лоб. Этого он уже никак не в состоянии понять. Он тупо смотрит на Фабиана, на копые, на отца Генсти. Запутанный цинизм всего положения кружит ему голову. Он вскрикивает:

«Но Фабиан, Фаб—»

Фабиан подносит палец к его носу и смотрит наполовину шутливо, наполовину предупредительно на Зарембу: «Ну, ну—»

Отец Генсти смотрит на эту немую сцену, подозревая что-то, но не может понять в чем дело. Он смущен, но выдавливает улыбку, как бы давая понять, что он все знает и грозит пальцем Фабиану, как бы выговаривая ему за что-то:

«Фабиан, такие шутки...»

Он так и не знает, серьезно ли тот предложил ему копые, пока Фабиан не берет его за руку и Зарембу за рукав и не говорит:

«Ишди, господа, к Мадам Малгоше, отец Генсти угостит нас рюмкой настоящего бенедиктина»

Тут отец Генсти начинает сиять, ибо это значит, что Фабиан действительно намерен дать ему в подарок этот копые. Он отряхивает пыль от под своей рясы и шлепает Фабиана по колену:

«Три бенедиктина, Фабианко, и медовые пряники в придачу.»

Фабиан щекочет Зарембу под ребрами и толкает его по направлению к двери.

Готовятся к печати:

Сборник рассказов

И. М. Вайсенберга

Повесть

М. В. Файерберга

«Куда?»

Сборник рассказов

Менделе Мохер Сфорим

Издательство

„Еврейская Книга“